УДК 94-054.7(574.42)
DOI 10.17223/19988613/37/8

А. Хизат

РЕПАТРИАНТЫ И ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Рассматривается проблема адаптации этнических казахов-репатриантов (оралманов) в Казахстане. На примере повседневных практик показаны проблемы репатриантов, приехавших на историческую родину в 1990-е и в 2000-е гг. Предпринята попытка сравнить процесс адаптации репатриантов в селе и городе через воспоминания респондентов. Насколько полно смогли адаптироваться на исторической родине переселенцы, начавшие миграционные процессы? Как развивались процессы адаптации между оралманами, переехавшими в села в 1990-е гг., и оралманами, заселившимися в города в 2000-е гг.?

Ключевые слова: оралманы; репатриация; биография; казахи; этнизация; миграция; категоризация; Восточный Казахстан.

В результате исторических коллизий 1920–1930-х гг. за пределами Казахстана оказались 4,5 млн этнических казахов, предки которых покинули страну. В Узбекистане их численность достигает 1,5 млн человек, в России – 740 тыс., в Туркменистане – 70 тыс. человек. В дальнем зарубежье наибольшее число этнических казахов осело в КНР – около 1,5 млн, Монголии – 150 тыс., Афганистане – 30 тыс., Турции – 25 тыс. человек [1]. После приобретения независимости Казахстан начал процесс приглашения соотечественников на историческую родину. Основной целью иммиграционной политики является ликвидация этнодемографических диспропорций в составе населения и решение проблем национальной безопасности. Кроме того, речь идет о восстановлении исторической справедливости в отношении потомков тех, кто когда-то вынужден был покинуть страну, и заселении пустующих территорий [2. С. 559]. Оралманы («возвратившиеся») – это иностранцы или лица казахской национальности, не имеющие гражданства на момент обретения государственного суверенитета Казахстаном и приехавшие в страну в соответствии с законодательством РК для постоянного проживания. Статус оралмана присваивается на время до получения гражданства Казахстана.

Политика репатриации этнических казахов (оралманов) способствовала тому, что в конце XX – начале XXI в. казахи стали абсолютным большинством населения в Казахстане. Подавляющее большинство репатриантов прибывает из Китая и Монголии. По вопросу о том, сколько же человек вернулось в Казахстан, существует значительный разброс мнений. Называются разные цифры – от 600 тысяч до 1 млн и более. Но точное количество репатриантов, по всей видимости, неизвестно [Там же. С. 560]. В то же время достижение «этнодемографической справедливости» оставило в тени сложные проблемы адаптации соотечественников к исторической родине. Публикации, в которых этот вопрос все же ставится, делают акцент на проблему взаимоотношений репатриантов и местных жителей, описываемую, прежде всего, через взгляд представителей принимающего общества. Задачей этого текста является постановка проблемы о том, как интерпрети-

руются самими оралманами сложности адаптации в Казахстане, что для них является целью переезда на историческую родину.

В казахстанской историографии присутствует немало исследований, довольно полно представляющих статистические, нормативно-законодательные и другие аспекты проблемы. В последнее время появляются работы, в которых рассматриваются вопросы адаптации репатриантов к новому месту жительства. Суть проблемы в том, что адаптационные процессы существенно дифференцированы регионально. Вследствие этого общеказахстанская «картинка» складывается из различных региональных нюансов, часто весьма отличающихся друг от друга. Поэтому вторая задача статьи заключается в изучении особенностей адаптации репатриантов к реалиям Восточного Казахстана (на примере г. Усть-Каменогорска и его окрестностей).

Статья основана на включенном наблюдении и проблемно-ориентированных биографических интервью автора с этническими репатриантами, прибывшими в разное время из Китая и Монголии. Использование этих методов позволяет описать и сравнить различные варианты миграционных стратегий и практик. Излагая историю своей жизни, мигрант приоткрывает завесу своей повседневной жизни для исследователя, дает возможность взглянуть на процесс миграции «изнутри» [3. С. 3]. Несмотря на небольшое число проведенных интервью, полученный материал позволяет наметить основные направления дальнейшего анализа, определить возможности интерпретации полевого материала.

Два респондента проживают в пос. Шығыс, построенном в 2009–2011 гг. по программе «Нурлы кош» и расположенном в окрестностях г. Усть-Каменогорска. «Нурлы кош» (каз. Нұрлы көш; букв. «светлая кочёвка», «светлый переезд») – государственная программа Республики Казахстан для рационального расселения и содействия в обустройстве этническим иммигрантам, бывшим гражданам Казахстана, прибывшим для осуществления трудовой деятельности на территории Республики Казахстан, и гражданам Казахстана, проживающим в неблагополучных районах страны. В настоящее время реализуется программа на 2009–

2011 г. Программа утверждена Постановлением Правительства Республики Казахстан от 2 декабря 2008 г., № 1126 [4].

Наш первый респондент, Амантай, родился в 1968 г. в местности Кокты (КНР). Выходец из простой семьи, занимавшейся скотоводством. Всего в семье было 9 детей. Амантай получил среднее образование, но не имел возможности дальше продолжить обучение. В 1990 г. создал семью, занимался скотоводством. В 2008 г. он решил переехать в Казахстан. Все остальные братья и сестры остались в Китае. Вначале Амантай с семьей обосновался в селе Южном Урджарского района Восточно-Казахстанской области. Местные власти и соседи оказали ему содействие в обустройстве, обеспечили помощью: *«У нас были теплые отношения с местными жителями»*. Но так как у него не было специального образования, пришлось выполнять разную работу, нанимаясь к другим гражданам. Дети учились в школе. Но вскоре семья решила переехать в Усть-Каменогорск. Причину переезда Амантай объясняет так: *«Мы и в селе жили неплохо, но решили переехать поближе к городу, так как думали, что здесь можно и работу найти, и денег заработать»*. Он хорошо понимал, как нелегко будет жить в городе, предстоит научиться городскому образу жизни. Но более важной была забота о будущем детей, тем более пока они восприимчивы ко всему новому: *«Наши дети быстрее нас адаптировались к местным условиям, к языку, культуре»*, – говорит Амантай. Он отмечает, что у оралманов есть свои особенности: *«В разговорной речи оралманы из Китая используют слова из китайского языка, оралманы из Монголии – слова на монгольском языке, у местных жителей в речи изобилуют русские слова. Но мы, конечно, понимаем друг друга»*.

Второй респондент из пос. Шыгыс, Сакай, является уроженцем Тарбагатайского аймака Илийско-Казахской автономии Китайской народной республики. Родился в 1958 г., из рода керей. В семье было шестеро детей. С детства занимался земледелием и скотоводством. Был простым сельским жителем со средним образованием. Родители, простые люди, занимались скотоводством. В Казахстан вместе с семьей Сакай переехал в 2008 г. Сначала обосновались в с. Теректы Восточно-Казахстанской области. Одного несовершеннолетнего ребенка он оставил в Китае, уже в Казахстане оформил ему документы и вывоз. Сначала казалось, что будет трудно привыкнуть к местным условиям, но они быстро обвыкли и не сожалеют о том, что переехали на историческую родину. Но у Сакая есть одно пожелание: решить проблему с землей: *«Если у тебя нет в частной собственности земли, нет пастбища, нет работы, то и не стоит жить в селе, ведь основная часть оралманов из Китая, почти 80 процентов, – это полеводы и скотоводы»*, – говорит он. – *«Когда мы переехали сюда, нам было трудно без специального образования. Пастись скот тоже не могли, потому что земля в частной собственности. Чтобы купить зе-*

мельные участки, у нас не было средств. Нанимались к местным жителям, зарабатывали тем, что косили сено, выполняли разную тяжелую физическую работу. Но мы думали о будущем своих детей, поэтому по программе “Нурлы кош” переехали жить ближе к городу... Конечно, городские оралманы живут лучше, чем сельские, и культура у них другая... В городе жить лучше, чем в селе. Если не ленишься, можно хорошо заработать, главное – должна быть идея. Город приучает человека к культуре, особым отношениям, тут человек быстрее адаптируется к местным условиям... Вот оралманы, которые переехали в 90-е годы, они очень хорошо адаптировались к местным условиям, хорошо говорят на русском, а их детей не отличить от местных казахов... мы не прочь бы жить и в Астане, но у нас нет финансовых возможностей...». Их сейчас в семье пять человек, Сакай с женой, трое сыновей, есть еще внуки. Проживают в четырехкомнатном доме.

Следующий респондент, Маруа, переехала в Казахстан из Монголии в 1995 г. Маруа родилась в 1969 г. в Монголии, в с. Булгын Баян-Ульгийского аймака. Окончила школу в Улан-Баторе и в 1990 г. вышла замуж. Ее родители, как и другие казахские семьи, занимались скотоводством. По словам Маруа, они с мужем, посоветовавшись, приняли решение переехать в Казахстан: *«Летом 1995 г. мы на самолете прилетели в Усть-Каменогорск. Был жаркий день. Такой жары в Улан-Баторе нет, там комфортные для человека климатические условия. Но и к местному климату мы вскоре привыкли. В аэропорту нас встретили представители администрации. Всех переселенцев расселили по селам. Нас определили в село Таскескен. Там нам дали жилье. Конечно, в ауле мы никого не знали, но у нас были очень добрые соседи. Но мы не захотели жить в этом селе и переехали в Талдыкорган. К тому времени не были решены вопросы с нашими документами, у нас не было гражданства. Мы вынуждены были ютиться у родственников. У нас были сестры, которые переехали в 1990 г., мы надеялись найти их. На исходе были наши денежные средства. Так началось наше путешествие по Казахстану. Почему путешествие? Потому что мы долго привыкали к местным условиям, не могли жить больше одного-двух лет на одном месте, жили то в городе, то в селе. Не было и работы, не было родственников, кто бы мог протянуть руку помощи, двое детей еще маленькие. Их надо было кормить, воспитывать, тогда не было никакой квоты. Жили в селе, но, в конце концов, переехали в город. У нас есть причины, почему мы не захотели жить в селе. Мы привыкли к простору, тишине, а тут все иначе. В 1996 г. села Казахстана переживали упадок, поэтому переехали в город, чтобы учить детей. Усть-Каменогорск – город, который нас встретил первым, и мы убедились, что город хороший... В этом году будет десять лет как мы живем в Усть-Каменогорске. У нас есть свое жилье, работа, занима-*

емя частным бизнесом. Дети ничем не отличаются от местных, не считают себя оралманами. Они и язык освоили не хуже местных. Иногда мы навещаем своих родственников в Монголии, вот там наше отличие особенно заметно. Мы отличаемся и от казахов Монголии, и от местных казахов... чтобы стать местным, нужно время. Мы выросли совсем в другой среде, которая в корне отличается от той, которая есть в Казахстане. Очень трудно привыкнуть и влиться в эту среду. Нам пришлось все начинать сначала. Казахи из Китая и из Монголии разные. Да, мы казахи, у нас одни корни, но менталитет разный. Хотя мы и считаем себя местными, но правда в том, что другие так не думают... Вот, рассказали смешную историю, один оралман, переехавший из Монголии, пожаловался старику, что местные жители обращаются к нему «монгол», хотя он казах. Тогда старик ему ответил: «Я приехал сюда из Китая в 1962 г., но меня до сих пор называют «китаец»... Но жизнь продолжается. Может быть, одни нам завидуют, другим мы не нравимся, но детей пугает слово «оралман», это слово их унижает, кажется даже, что меняется их взгляд при этом слове, но мы ко всему привыкли, многое не воспринимаем всерьез».

Таким образом, уже из этих интервью можно выделить ряд проблем, с которыми сталкиваются репатрианты, прибывшие на историческую родину. Оралманов, переехавших жить в Казахстан в начале 1990-х гг., расселяли в аулах, давали скот, чтобы они могли обосноваться в сельской местности. Но многие репатрианты ранее проживали в совершенно других климатических условиях, занимались другими видами сельского хозяйства, а некоторые прибыли из городов. Все это сказалось на том, что значительная их часть не смогла трудоустроиться в сельской местности. Успешнее и быстрее процесс адаптации к окружающей среде проходил у оралманов, решивших перебраться поближе к городу. Основная проблема, с которой они столкнулись в городе, незнание русского языка. Казахстан для многих оралманов оказался местом проживания не только казахов, как они себе представляли. В те годы большую часть городских жителей составляли русские и представители других национальностей, языком общения которых является русский язык. Незнание русского языка, являющегося официальным языком, ограничивает репатриантов в возможностях подняться по карьерной лестнице. При этом выходцы из Китая испытывают большие языковые трудности, чем из Монголии. По их словам, переселенцы из Монголии могут прочесть и понять то, что написано на русском или на казахском, а «для оралманов из Китая это требует времени». Здесь сыграли также роль и культурные отличия между казахами-репатриантами и местными жителями. Некоторые репатрианты 1990-х гг. по прошествии 2–3 лет проживания в Казахстане вернулись в страну, откуда приехали, не сумев привыкнуть к местной среде и природно-климатическим условиям [5].

И все же не сразу, но с течением времени оралманы постепенно привыкают к новым условиям. Они преодолели очень много препятствий, чтобы адаптироваться к новым условиям. Эти препятствия есть и сегодня. Но ситуация меняется. И если привыкание к новым условиям у оралманов в возрасте идет не очень успешно, то процесс адаптации детей, молодых людей проходит быстрее. Выяснилось, что многие пожилые репатрианты до сих пор не чувствуют себя полноценными «казахстанскими казахами». Тяжело чувствовать себя «чужаками», находясь среди своих соотечественников. Более успешно проходит процесс адаптации у оралманов, переехавших в Казахстан после 2000 г., потому что среди оралманов 1990-х гг. мало кто обосновался в городе. Языковые проблемы у оралманов 2000-х гг. не так остры, как в 1990-х гг., так как в обществе казахов стало больше.

Также одна из основных проблем переселенцев – это разрыв связей с родственниками, оставшимися за границей. По их словам, в зависимости от финансовых возможностей они стараются навещать родственников, но в случаях поездки на похороны и т.д. требования казахстанско-монгольской, казахстанско-китайской границ не позволяют успеть вовремя, или приходится вовсе отложить поездку. Есть оралманы, которые лет 10–20 не встречались со своими родственниками, в этом случае мы наблюдаем разрыв родственных связей между оралманами. У многих оралманов близкие родственники остались жить в Китае, и они сами обустривают свою жизнь, не надеясь на какую-либо помощь со стороны родственников.

Главная цель оралманов – создать условия детям, чтобы они смогли получить хорошее образование и достигли высот, что не по плечу было родителям: «Дети быстро привыкают к местным условиям, и трудности их не пугают», – говорят они. Казахи, живущие ради своих детей, уверены в их светлом будущем. И это «будущее» все больше связано с городским пространством.

Материалы интервью, помимо лежащих на поверхности описаний сложностей адаптационного процесса, о которых шла речь выше, позволяют увидеть чрезвычайно важную, на наш взгляд, проблему. Ее можно обозначить как разность интересов Казахстана как государства, реализующего репатриационную политику, и самих репатриантов. Можно предположить, что для оралманов это прежде всего возможность качественного изменения жизненных траекторий, если не своих, то детей. Идеи возвращения на историческую родину становятся для них возможностью для реализации более приземленных интересов: от повышения уровня жизни до повышения социального статуса. И сама миграция, и вырабатываемые адаптационные практики могут быть рассмотрены как инструменты реализации новых жизненных стратегий, отличающихся для разных поколений, выходцев из различных стран и обществ.

Использование такой гипотезы, как интерпретационная рамка, позволяет выйти за пределы простого описания адаптационного процесса во всем его территориальном разнообразии. Трансграничная миграция, лежащая в основе репатриационного процесса, при таком взгляде оказывается лишь первым шагом в реализации долговременной стратегии, в которой не менее важное место может в последующем занимать миграция в город/пригород. В этом ключе большой интерес представляет анализ биографических траекторий «де-

тей оралманов» («полукоренных» и второго поколения мигрантов), их сопоставление для различных групп репатриантов по стране выхода и месту проживания в Казахстане. Наконец, чрезвычайно интересным представляются и проблемы сохранения связей со странами выхода, дружеско-родственных сетей и их использования в построении жизненных стратегий переселенцев. Идеи транснационализма, используемые для анализа репатриации этнических казахов, при таком подходе также могут получить новое развитие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зардыхан К. Проблемы защиты прав и свобод казахской диаспоры // Казахская диаспора: настоящее и будущее / науч. ред. А. Кошканов, А. Нысанбаев. Астана, 2005. С. 239–254.
2. Алексеенко А.Н. Казахстанская репатриация: причины, особенности, перспективы // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск, 2010. С. 567–592.
3. Соснина И.В. Трудовая миграция в жизненных историях: контекст социальной интеграции : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2012. 19 с.
4. Концепция миграционной политики Республики Казахстан. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30120935#sub_id, свободный.
5. Tabea B. Peter Finke. The Kazak oralman : Comparing migratory decisions, integration patterns and transnational ties in three different settings // Centre for Anthropological Studies on Central Asia / ed. by Finke, Peter, and Günther Schlee: Framing the Research, Initial Projects (Halle, 2013). P. 75–83.

Hizat Akerke. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: akerke_004@mail.ru

REPATRIATES AND THE URBAN SPACE IN THE EASTERN KAZAKHSTAN REGION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN.

Keywords: oralman; repatriates; biography; Kazakhs; ethnicization; migration; categorization; Eastern Kazakhstan.

Due to certain historical developments, 4,5 million ethnic Kazakhs found themselves outside Kazakhstan, whose ancestors had left the country at different times. Since its independence, Kazakhstan has started to conduct the policy of inviting compatriots to return to their historical homeland. The oralman (the «returnees») are foreigners or persons of Kazakh origins who did not have the Kazakh citizenship at the time Kazakhstan became independent and who afterwards came back to the country for permanent residence in accordance with the Kazakh legislation. Due to the policy of repatriation of ethnic Kazakhs (the oralman) in the late 20th to the beginning of the 21st centuries, the Kazakhs have come to constitute the absolute majority of the population of Kazakhstan. The article aims to study the specificities of adaptation of the repatriates to the realities of Eastern Kazakhstan, based on the case of the city of Ust-Kamenogorsk and its neighbourhoods. The article draws on author's conversations/interviews with some ethnic repatriates who came from China and Mongolia at different times. The problems the repatriates, who returned to their historical homeland in the 1990s and 2000s, are confronted with are shown through everyday life practices. Based on informants' memories, the article attempts to compare the process of adaptation of the repatriates in the city and in the countryside. A number of issues the repatriates have to deal with come up from these interviews. The oralman that moved to Kazakhstan in the early 1990s were placed in auls and given cattle in order to settle in the countryside. However, many of them had used to live in completely different climates before and to engage in other types of agriculture. Some came from cities and were not able to find work in the countryside. The lack of knowledge of the Russian language also reduces repatriates' chances of making a career. The oralman who moved to Kazakhstan after the year 2000 have been adapting more successfully. The language is not that much of a problem for the oralman of the 2000s than for those who came in the 1990s. The elderly get used to the new environment with greater difficulty than the youth. Many of the former still do not see themselves as the «Kazakhs of Kazakhstan» and find it hard to have to feel like aliens among their compatriots. Another issue is the rupture of relations with their relatives that have stayed abroad. They try to visit and see them as often as they can afford it, however it is not always possible and so the relations become severed.

REFERENCES

1. Zardykh, K. (2005) Problemy zashchity prav i svobod kazakhskoy diaspory [Protection of rights and freedoms of Kazakh Diaspora]. In: Koshkanov, A. & Nysanbaev, A. (eds) *Kazakhskaya diaspora: nastoyashchee i budushchee* [Kazakh Diaspora: The present and future]. Astana: Elorda. pp. 239–254.
2. Alekseenko, A.N. (2010) Kazakhstanskaya repatriatsiya: prichiny, osobennosti, perspektivy [Repatriation of Kazakhstan: Causes, features, prospects]. In: Dyatlov, V.I. (ed.) *Migratsii i diaspory v sotsiokul'turnom, politicheskom i ekonomicheskom prostranstve Sibiri. Rubezhi XIX–XX i XX–XXI vekov* [Migration and Diaspora in socio-cultural, political and economic space of Siberia. Milestones in the 19th–20th and 20th–21st centuries]. Irkutsk: Otkritsk. pp. 567–592.
3. Sosnina, I.V. (2012) *Trudovaya migratsiya v zhiznennykh istoriyakh: kontekst sotsial'noy integratsii* [Labour migration in the life stories: the context of social integration]. Abstract of History Cand. Diss. Saratov.
4. Kazakhstan. (n.d.) *Kontseptsiya migratsionnoy politiki Respubliki Kazakhstan* [The concept of migration policy of the Republic of Kazakhstan]. [Online] Available from: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30120935#sub_id.
5. Tabea, B. & Finke, P. (2013) The Kazak oralman: Comparing migratory decisions, integration patterns and transnational ties in three different settings. In: Finke, P. & Schlee, G. (eds) *Centre for Anthropological Studies on Central Asia. Framing the Research, Initial Projects*. Halle. pp. 75–83.